

Вэй Хуань сказала: «Если нужна лёгкая одежда, есть и шёлковая, и из узорчатого шёлка, только простого полотна нет — оно недостаточно изящно, боюсь, вам будет неудобно.»

Я ответила: «Неважно где, но достань что-нибудь, очень нужно переодеться.»

Она на мгновение задумалась: «Если так, может, наденете моё? У меня есть платье из шуского полотна, ткань не лучшая, зато мягкое от долгой носки.»

Её одежда.

Сердце моё вновь забилося часто-часто. Этому маленькому сердцу сегодня и так пришлось немало пережить, до того, что в груди теперь то и дело сжимается. Если я ещё и надену платье Вэй Хуань, не сойдёт ли оно с ума и не разорвётся ли? Но что ж, если из-за страха перед этим я откажусь от этой одежды — тогда зачем оно мне вообще нужно? Пусть уж лучше умрёт.

Вэй Хуань, видя, что я молчу, сказала: «Если вам не нравится, придётся спросить у других. У Цуй Люэр фигура похожа на вашу, я сначала схожу к ней.» С этими словами она уже собралась уходить, но я поспешно остановила её: «У других вряд ли найдётся, твоё — самое подходящее.» Едва прозвучали эти слова, я тут же пожалела — зная, что семья её небогата, я словно нарочно могла её задеть.

Однако Вэй Хуань не показала и вида, сама принесла одежду, да не один наряд, а целых два комплекта — и юбку с кофтой, и короткую куртку. Один был из простого шёлка, другой — из узорчатого. Она сказала: «Вам ведь просто нужно выйти за ворота дворца, на улицу. Носить узорчатый шёлк теперь и вовсе не редкость — на рынках многие щеголяют в узорчатом и газовом, даже заморские купцы одеваются в шёлк и парчу.» С этими словами она развернула слегка поношенную зелёную юбку из узорчатого шёлка, а служанки уже подошли, чтобы помочь мне раздеться.

Я шагнула в сторону, уклонившись от их рук. Вэй Хуань и служанки застыли в недоумении, уставившись на меня вшестером. Мне правда не хотелось, чтобы Вэй Хуань видела, как я переодеваюсь, но и выгонять её специально тоже неловко. К счастью, я вовремя вспомнила, что меняю только верхнюю одежду, и поспешно оправдалась: «Что-то голова закружилась, не пойму, что со мной.»

Вэй Хуань взглянула на мою голову, но промолчала. Служанки быстро сняли с меня верхнюю одежду и облачили в зелёную юбку и узкий кафтан. Вэй Хуань затем небрежно собрала мои волосы в простой узел, действуя очень бережно, обходя припухшие места. Закончив, она повязала мне на талию пёстрый пояс, слегка подобрав подол юбки, так что стали видны белые штаны. Затем она принесла свою старую обувь — немного великоватую, но в целом подходящую.

Я была одета в её вещи с головы до ног, и мне казалось, будто она сама обнимает меня. Лицо моё пылало. Она же спросила: «Сопровождающих брать? Докладывали Его Величеству?» Я не могла вымолвить ни слова, только твердила: «Я с братом, наследным принцем.»

Вэй Хуань больше не расспрашивала, лишь велела подать паланкин до Восточного дворца. Перед самым отъездом она о чём-то вспомнила, остановила носильщиков и сказала: «Раз уж с наследным принцем идёте, лучше надеть вуальную шляпу.» Она велела принести тёмную шляпу с вуалью до самой земли и собственноручно надела её на меня. Подумав, добавила: «Лучше не садиться на мула или лошадь — вчера ведь пили, да и сегодня утром... не очень хорошо себя чувствуете. Как бы от тряски не стало хуже.»

Я лишь покорно кивала. Она поправила вуаль на моей шляпе, пристально посмотрела на меня и вдруг улыбнулась: «Не сердитесь на мою назойливость. Я ведь раньше таким не занималась, боюсь ошибиться. Завтра позову кормилиц — тогда будет надёжнее.»

Я поспешно покачала головой: «Ты... и так хороша.» Мне нравится, что ты такая, но в то же время страшно.

Сегодняшний выезд и вправду отличался от прежних. Кроме нескольких чиновников, нас сопровождало всего шестьдесят человек. Все они были одеты в белые холщовые доспехи, белые рубахи из шуской ткани, синие шёлковые короткие куртки и штаны, носили головные уборы и чёрные кожаные сапоги. Лица у всех загорелые, руки мускулистые, на поясах — ремни с пряжками, к которым были подвешены короткие мечи и прочее. С первого взгляда было ясно — воины. Ли Шэн повёз меня в повозке, чиновники и сопровождающие ехали на мулах. В безлюдном месте мы остановились, воины разделились на две группы: двадцать остались стеречь повозки, мулов и прочую свиту. Пройдя ещё немного, ещё тридцать растворились в толпе, и лишь десять человек вместе с чиновниками Восточного дворца — Вэй Чэнцином, Чэн Сюаньи и Гэ Сиюанем — сопровождали Ли Шэна и меня.

Ли Шэн всегда строго придерживался правил и хотя был со мной ласков, но не позволял себе такой фамильярности, как Ли Жуй, который то и дело хватал за плечи или через край перегибал. Однако сегодня, видимо, потому что мы вышли за пределы дворца, он всё время держал меня рядом, крепко сжав руку, и то и дело напоминал: «Держись ближе.» Несколько его охранников тоже окружили меня со всех сторон, и даже Вэй Чэнцин с другими были рядом.

Поскольку Вэй Чэнцин носил фамилию «Вэй», я невольно завела с ним разговор: «Господин Вэй, а откуда ваш род?»

Вэй Чэнцин почтительно сложил руки: «Мои предки проживали в Хэнае, не смею причислить себя к знатным родам.»

Услышав, что он не назвал родовых земель, я было захотела спросить, нет ли у него связи с кланом Вэй из Цзинчжао, но потом подумала: клан Вэй из Цзинчжао слывет «Вэй и Ду с юга города — в полушаге от небес». Если Вэй Хуань родом из такого великого рода, то, наверное, брось камень в небо — попадёшь в её родственника. Да и родной отец с братьями обращались с ней не лучшим образом — что изменится, найди я ей ещё одного дальнего родича? Я не стала спрашивать дальше, но Ли Шэн с улыбкой сказал: «Господин Вэй — сын министра цензоров, господина Сыцяня. Родовые земли — в Цзинчжао, предки переселились в Хэнайскую область, но род всё равно почтенный.»

Вэй Чэнцин склонил голову: «Наследный принц слишком меня чествует.»

Эти двое завели переключку вежливостей, и вскоре к ним присоединились остальные. Ли Шэн был человеком скромным и обходительным; даже Чэн Сюаньи и Гэ Сиюань, простые редакторы библиотеки без особой известности, — и тех он запомнил по именам и родам и представил мне одного за другим. Меня же, кроме фамилии Вэй, никакие другие роды не интересовали, и я лишь рассеянно поддакивала, дёргая Ли Шэна за руку: «Братец, куда ты меня ведёшь?»

Ли Шэн с улыбкой ответил: «На рынок.»

Я перебрала в уме тысячу вариантов, но только не этот, и тревожно спросила: «Разве отец с матушкой не одобряют?» В прошлом или позапрошлом году какой-то провинциальный чиновник, не знавший правил, отправился на Восточный рынок Чанъаня и купил там две паровые лепёшки. Отец и матушка были крайне недовольны и разжаловали его на несколько ступеней.

Если бы мы шли тайком — ещё куда ни шло, но так-то, с целой свитой, выйти на рыночную площадь... Не ищем ли мы себе неприятностей, если матушка узнает?

Ли Шэн сказал: «Поэтому я и попросил тебя переодеться. Выходить в официальных одеждах — нарушение придворного этикета, а в простой одежде — ничего страшного.» Видя моё недоверие, он улыбнулся и потрепал меня по голове: «Не бойся. Если Его Величество будет гневаться, я беру вину на себя.»

Мне только этого и нужно было. Услышав его слова, я успокоилась и принялась по дороге оглядываться по сторонам.

Раньше, когда я выезжала, всегда шёл очистка пути, и ничего рассмотреть не удавалось. А в тот раз, когда я вышла с Вэй Хуань, нам встретилась погоня начальника Чаньяня, и было не до того. Теперь же, гуляя по воле наследного принца, я наконец могла вдоволь глазеть направо и налево. Ли Шэн тоже был очень снисходителен и даже дал мне связку монет: «Сыцзы, а знаешь, сколько это?»

Меня задело его покровительственный тон, и я с обидой ответила: «Связка — это гуань, гуань — тысяча монет. Что тут понимать?» Но едва я это произнесла, как Ли Шэн, Вэй Чэнцин и остальные расхохотались. Ли Шэн, смеясь, сказал: «Шестой братец ответил точно так же. Присмотрись-ка получше.»

Поняв, что он просто загадывает загадку, я подошла к воину, нёсшему монеты, встала на цыпочки и принялась считать. Не успев закончить, услышала, как Ли Шэн с усмешкой говорит: «Не трудись. Здесь девятьсот пятьдесят монет. Сейчас на рынке гуань редко бывает полной тысячей: то девятьсот, то девятьсот пятьдесят, но считается за гуань.»

Тут до меня дошло. Связка выглядела увесистой, и я попыталась её поднять — на удивление тяжёлая, фунтов пять-шесть, не меньше. Ли Шэн же добавил: «Это плохие монеты, тысяча весит меньше шести цзиней. Полноценные «кайюань тунбао» должны весить шесть цзиней и четыре ляна. А новые монеты «линьдэ цюаньбао», что идут один к десяти, весят около десяти лянов.» Пока он говорил, Вэй Чэнцин достал из-за пазухи другую связку, поменьше, но из полноценных новых монет. Их отчеканили в прошлом году и назвали «линьдэ цюаньбао». Отец подарил мне их множество, да ещё и всевозможные золотые и серебряные слитки, но я всё это свалила в хранилище и никогда не разглядывала. Зачем же Ли Шэн показывал мне всё это?

Я вопросительно посмотрела на Ли Шэна, но он не стал объяснять, лишь велел отсчитать мне несколько десятков монет и сказал: «Сыцзы, если что-нибудь приглянется — купи сама. Ты ведь ещё никогда ничего не покупала за деньги, правда?»